

История
В
стихах

Павел Васильевич Кузнецов

Судьба Турчаниновых

Павел Васильевич Кузнецов

Судьба Турчаниновых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51142395

ISBN 9785449826961

Аннотация

История в стихах о первых предпринимателях России, осваивавших и поднявших Урал. Прославивших на века своим умением, предприимчивостью и талантами нашу отчизну. Алексей Фёдорович Турчанинов (1704—1787 гг.) Крупный предприниматель на Урале, прошедший свой путь от беспризорного мальчишки до миллионера. Он имеет дарования. От природы таковы, Истощал собой деяния И великие труды.

Содержание

Турчаниновы	5
Часть 1	6
Рифейские горы	7
Седой Урал	9
Соль на Каме	12
Строгановы	18
Ермак	24
Кама Строгановых	36
Соль на Усолке	41
Думный дьяк	44
Освобождение Турчанинова	49
Ростовщиков	52
Турчинов Михаил	54
Турчинов Алексей	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Судьба Турчаниновых

**Павел Васильевич
Кузнецов**

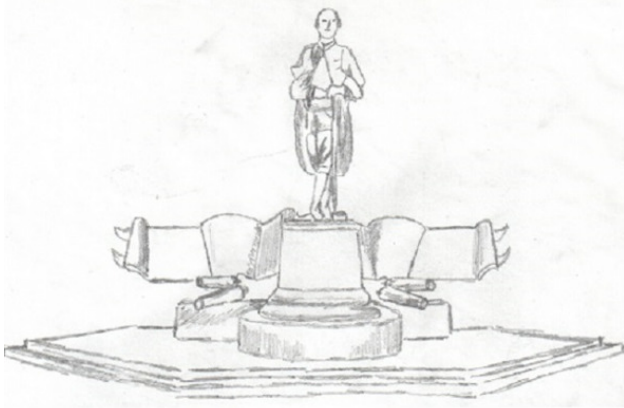
© Павел Васильевич Кузнецов, 2020

ISBN 978-5-4498-2696-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Турчаниновы

Поэма в 3 частях

А. Ф. Турчанинов. Рис. Кузнецова П. В.

Как судьба могла сложиться,
Можно только лишь гадать.
Сих событий вереница
Помогла великим стать.

Часть 1

Пермский Край

Свято-Троицкий собор, Соликамск. Рис. Кузнецова П. В.

Рифейские горы

Вновь судьба разделяет пути,
Как Рифейские горы долины.
Их на карте сейчас не найти —
Аристей поместил лишь в былины.

И сам великий Птоломей,
Читая мифы Геродота,
На карту мира и морей,
Нанёс вершины без расчёта.

В Европе мудрые мужи
Гадали, где такие горы?
От Северной, пронзающей стужи
И до степей Аральской флоры.

А на Руси давно их знали
Ещё при Рюрике стальном,
Но только Камнем называли,
Торгуя мехом, соболем.

Карта мира Птолемея. Рис. Кузнецова П. В.

Седой Урал

Это было так далёко,
Много сотен лет назад,
Где войной грозил с Востока,
Враг Европы – Азиат.

И в пылу столкнувшей страсти,
Поднимались ввысь хребты,
Раздвигая все напасти,
Инородные следы.

Разделяя на две части,
От морей и до степей,
Сам Урал, смиряя страсти,
Разводил навек людей.

Здесь сошлись два края света,
Две равнины меж собой.
Величавые с рассвета,
Горы вздыбились порой.

Будто поясом из камня,
Обвязав равнины впрок.
От создання стародавня,
Накопив богатства впрок.

Посредине невысоко,
Но с краёв взлетая ввысь,
Опоясав Русь далёко,
Камнем стены вздыбились.

.

Слева видна вся Европа,
И Россия вся видна.
Справа аж с времён потопа,
Сибирь-матушка ладна.

Опоясав две равнины,
Азию с Европой сшив,
Наш Урал в беду години
Знатный подвиг совершив,

Был опорой для России.
Пушки, ядра выплавлял,
И в промышленной миссии
Создавал свой капитал.

Память нас уносит в вечность,
В неразгаданную даль.
Как создалась бесконечность,
Ты возьми и прочитай.

Камень – Уральские горы. Рис. Кузнецова П. В.

Соль на Каме

Так уж принято в России
Хлебом-солью люд встречать,
Ведь недаром говорили:
Хлеб-отец, а соль как мать.

Хлеб – как бог, тело господне,
Божий дар для всех людей.
Соль же больше Солнцу сродни,
Оберёг от злых страстей.

И, вкушая долю хлеба,
Счастья долюшки берёшь,
Соль спасёт же от дулеба,
Если правильно возьмёшь.

Хлеб да соль, склонялись люди,
Привечая молодых.
Не отведать хлеб на блюде
Было горем для любых.

Древняя традиция – хлеб да соль. Рис. Кузнецова П. В.

Вот поэтому так свято
Те традиции блюли.
Добывали соль когда-то,
И на Каме, из земли.

Здесь на месте Старо Морья
Много лет тому назад
Накопилась у предгорья,
Соль богато наугад.

Хоть богатства и обильны,
Нелегко её достать.
Строить начали варильни,
Чтобы соль там добывать.

Прокопчённые насквозь
До аспидной черноты,

Избы строились все врозь,
Хоть и с виду так просты.

Посреди сковорода,
Подчренная печь гудит.
Полыхает яма та,
Будто адский горн горит.

Дым и пар от сковородки
Заполняет всё кругом,
Люди будто черти в сходки,
Всё ведут борьбу со злом.

В этой адской круговерти
Очищается добро.
Все сомнения умерьте:
Соль чиста как серебро.

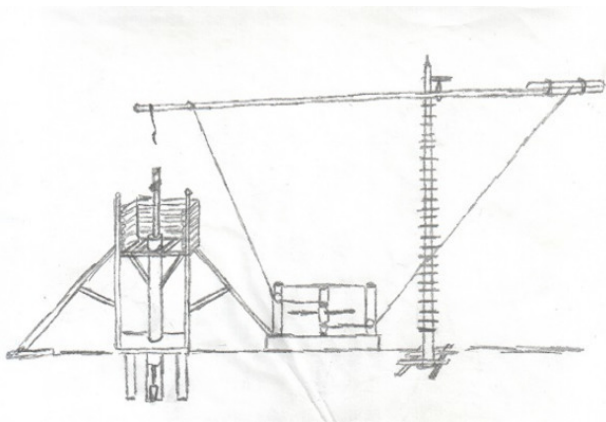
Ну, а рядом с той избушкой
Из далёких недр, глубин,
Поднимал рассол кадушкой,
Аист, мощный исполин.

И качалось коромысло,
Поднимаясь вверх, то вниз,
Солью дерево прогрызло,
Но стояло без каприз.

Вся из дерева вчистую,

Разносольная труба,
Уходила в глубь земную,
Создавая короба.

И не так-то просто было
Сделать скважину тогда,
На Руси своё «бурило»
Было принято всегда.

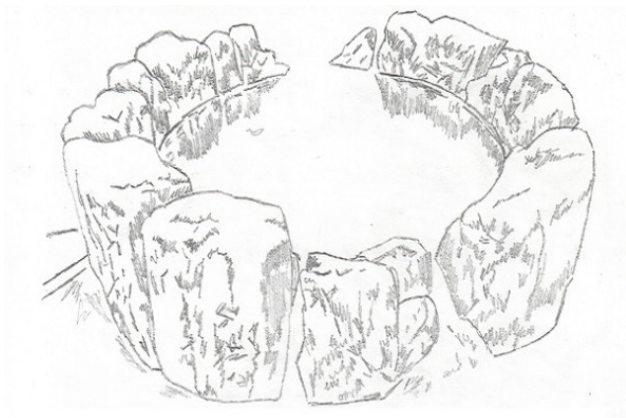
Установка для бурения скважин. Рис. Кузнецова П. В.

Это дело непростое,
Вроде кажется легко,
Пробурить в земле такое
Не широко, глубоко.

От полгода и до года,
А бывало и до трёх,
Это как пойдёт порода,
Да и бур не был бы плох.

Пробурили – это мало,
Надо стенки обвязать.
Так из дерева большого
Нужно матицу создать.

Обработать на посадку,
В общем, в землю вбить её.
Меж собой связать в насадку,
Намотав по верх смольё.

Соляная Матица. Рис. Кузнецова П. В.

Строгановы

Было это всё затратно,
Нужен мощный капитал.
Возвращалось всё обратно,
Кто работал, а не спал.

Сколько бед и разорений
Потерпел тогда народ,
От нападок и гонений,
От пожаров и невзгод.

Из-за Камня, из Сибири,
Огибая с юга гор,
Ханы местные грозили,
Разорить наперекор.

Вот Султан Калуг всей ратью
Из Тюмени в Пермский край.
Окружённый грозной знатью,
В сказках страшный, как бабай.

Султан Калуг. Рис. Кузнецова П. В.

С разорением вдоль Камы,
Не жалея Пермьяков,
Жёг селенья, жёг и храмы
И посёк всех Русаков.

Вновь вставал посёлок святой,
Весь просоленный внутри,
Погорелый, но не взятый,
С журавлями, что востры.

К небу головы вздымая,
И взлетая день за днём,
Силу землюшки черпая,
Белу соль людям даём.

Мудрый царь, Иван четвёртый,

Чтоб ногайцев охладить,
В край далёкий, распростёртый,
Решил Строгановых пустить.

И вся земля, лежащая вдоль Камы,
От Пермских стен и до реки Сылвы,
Вдоль Чусовой под всплеск водяны,
Сея вершин донёсшейся молвы.

Карта вотчины Строгоновых. Рис. Кузнецова П. В.

На двадцать лет
Без пошлины в торговле,
Лишь защищай сей край от бед.
Бери, что хочешь, в этой ловле,
Но соль и рыбу – дай в обед.

Край обширный, необъятный.
Много маленьких племён,

В диких шкурах сыромятных,
Аж со стареньких времён.

Не всегда с добром встречали,
Не привыкли в мире жить,
Часто просто воевали,
Погибая – как тут быть?

Кто остался, привыкали,
Начинали торговать.
Зверь, пушнину, всё сдавали,
Сим купцам, чтоб хлеба взять.

Воздвигались поселенья,
Крепостцы и города,
Привлекалось население,
Издалёка – все сюда.

Приходил народ нетяглый,
Из бесписьменных людей.
Приходил сюда и наглый
Вольной силушкой своей.

Братья льготами сзывали,
Заселяй обширный край,
Тех, кто грабил, воровали,
Всех в острог – там погибай.

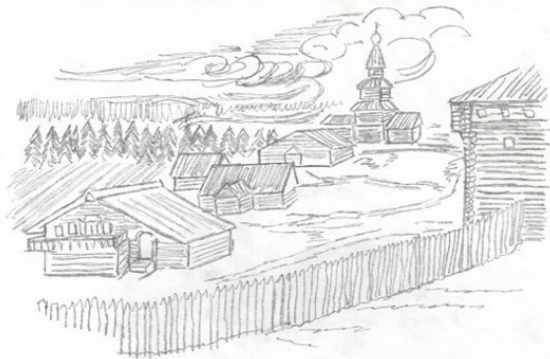
Остальным, кто мог трудиться,

Выделялась внайм земля,
Чтобы сам мог прокормиться
И оброк нести с пая.

Землепашеством, охотой
Промышляли тут и там,
Соль варили сковородкой,
И свозили к крепостям.

В крепостях стояли пушки,
Пушкари обучены.
Зорко вдаль глядеть с верхушки
Сторожа приучены.

Так усердием народа
Поднимался Пермский край.
Строганов как воевода
Защищал таёжный рай.

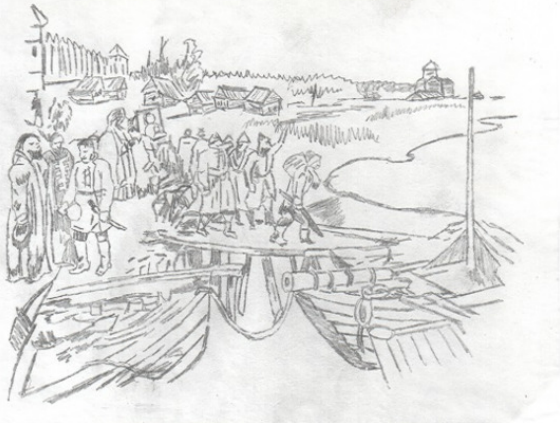
Пермские крепостцы. Рис. Кузнецова П. В.

Ермак

Чтоб избавить от набегов,
Осложнявших жизнь в краю,
Братья, дружно покумекав,
Ермака призвав к бою,

Снарядили вольную братью,
Всяк припасом и ружьём,
Посадив в большую ладью,
В путь отправили ручьём.

Вверх по бурной Серебрянке
До верховья Чуй плыли.
Починившись на стоянке,
Через лес поволокли.

Снаряжение Ермака. Рис. Кузнецова П. В.

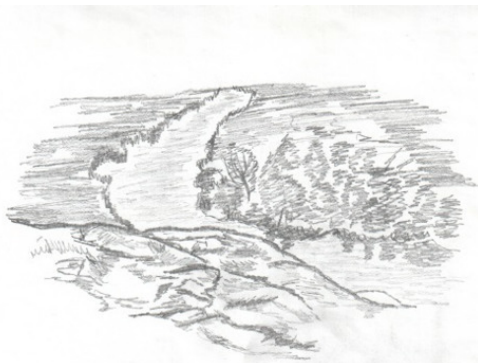
Речка мелкая Журавлик
Плавно движется в Тагил.
Не пройдёт по ней кораблик,
И тянули, что есть сил.

На руках до Баранчи
По камням, со всею кладью
Несли струги-силачи,
Между гор, лесною падью.

Струги снова подлатали,
Баранча стремится вниз,
Веселело, хоть и устали:

Эй, ребята, встрепенись.

Возле скал Медведя-камня
Да на левом берегу,
Где Тагил-река так плавно
Омывает ту дугу,

Медведь-камень. Рис. Кузнецова П. В.

Была первая стоянка —
Городище Ермака.
Быстро строилась времянка
Из соснового кругляка.

Там устроили плотбище,

Крепко плоты повязав.
Из соснового рубища
Коломенки вновь создав.

Всю весну ловили рыбу
Аж до Троицева дня.
По Тагилову изгибу,
Вниз направилась братня.

Мачта гнётся парусами,
Ветер с запада несёт
До Тобола ладьи сами,
Мчатся быстро да вперёд.

По краям мелькают сосны,
Рощи белые берёз,
Жёлтым цветом светоносны
И осин лесополос.

После мрачной тёмной Пармы
Пермский ельник был забыт,
Но в награду горной драмы
Путь широкий им открыт.

Глазу русскому приятна,
Тишина и красота,
Только лешему понятно,
Почему она пуста.

До Тобола без сражений
Казачи проплыли вниз.
Из тактических значений
Чучелами запаслись.

Из соломы, да в кафтанах
Вдоль бортов сидят они,
Страх наводят в басурманах,
Что следят там издали.

Часть отряда шла по лесу
Скрытно, чтоб не видел враг,
Епанчи стрелял с отвеса,
По стругам, где плыл Ермак.

А в ответ гремели пушки,
Залп пищалей смуту внёс.
Не видали хана служки
Грохота среди берёз.

Завязалась кровная сеча,
Казачи на штурм пошли.
Из засады, издалече,
В тыл ударили полки.

Хоть ордынцев было больше
Раз так в десять-двадцать крат,
Пораженье стало горше,
Разбежались невпопад.

Не хотели манси биться
За Кучума из орды,
Хоть пытались и бодриться,
Испугались все беды.

Громко бьют у русских луки,
Стрел не видно, только кровь
Бьёт из ран, страшные муки
Причиняя вновь и вновь.

Сдался город Чингиди
Казакам без боя.
Много шкурок – погляди,
Всё у ног героя.

Соболя и горностаи,
Переливами слепя.
Короли – завсегдатаи
Всё скупали, не скупя.

Но не златами прельщались,
Казаки, что шли в Сибирь,
Вольной волюшкой казались
Земли, пройденные вширь.

Не могли на месте жить
Казаки тогда-то,
Лучше голову сложить

Под мечом булата.

Не пугала их судьба,
Битвы и невзгоды,
Только вольная гульба
На полях свободы.

Отдохнувши от сраженья,
Казачи поплыли вниз
По Тоболу, в изумленье
Кучумы, вмиг добрались.

До Кашлыка – хан-столицы,
До большого Иртыша,
Где скопились все ордынцы
У Чувашева мыса.

Почернела гладь речная,
Отражением беды.
Собралась орда большая,
У побережья той воды.

От заката до рассвета
Берег весь усеян тьмой,
Хан Кучум золотоцвета
Машет грозною рукой.

Призадумались казаки,
Круг собрали меж собой:

Быть не быть сегодня драке?
Может стать последним бой.

– Нас немного, атаманы,
А вокруг сплошная мгла.
Пусть боятся басурманы,
Погибать – так на ура.

Нет назад нам отступленья,
Тонкий лёд реку сковал.
Триста лет Орды правленья,
Ига тягло миновал.

И с утра казаков струги
Под дымок из пушек вновь
На песок реки упругий,
Войско высадилось в кровь.

Тучи стрел и грохот пушек,
Всё в дыму, кромешный ад.
С берега, с горы, с верхушек
Мчится конный азиат.

Казаки, не дав осечки,
Строй за строем. Залп огня.
Азиаты, как овечки,
Разбежались в полымя.

Хан Кучум, с горы взирая,

Как казаки бьют его,
Всех на свете проклиная,
Бросил логово своё.

Позабыв и про столицу,
В степи бросился бежать,
А Ермак взял в горсть землицу,
Поклонился Руси-мать.

Высоко на крутояре,
На сибирском Иртыше,
Град, покинутый в запаре,
Распахнул ворота все.

Казаки зашли без боя,
Взяли ханскую казну.
Обошлось всё без разбоя,
Разделили поровну.

Через день пришли с повинной,
Племён местные князьки.
Сам Ермак принял их чинно,
В ноги падали дядьки.

Князь Бояр привёз припасы,
Рыбу, шкурки соболя.
Казакам нужны запасы,
Голод зимний утоля.

Возвращались и татары,
Кто с Кучумом убежав.
Звуки нежные дутары
К миру новому прельщав.

Не любили Кучуму
Племена, что раньше жили
Не подвластные ему,
Пока их не захватили.

Казаки же жизнью вольной
Всё привыкли кочевать.
Приходи, друг барахольный,
Будем лучше торговать.

Но не всё спокойно в мире,
Кучум злобой затаён,
По потерянной Сибири,
Мсть задумал злую он.

На кругу большом казаки,
Думу думали сидня:
– Надо звать полки. Без драки
Не прожить нам здесь и дня.

Широка Сибирь, большая,
Нам одним не удержать.
Силу волюшки вкушая,
На подмогу надо звать.

И отправили посольство
К царю Русскому в Москву,
Чтоб загладить самовольство,
Повезли богат казну.

Тот сейчас да всех в опалу,
Разозлился Грозный царь:
— Всех на дыбу, да в кабалу, —
Грозно рявкнул государь:

— Как осмелились ослушать
Мой указ Сибирь не брать?
— Не успел дойти, Ванюша,
Не могли мы долго ждать.

Одолели басурмане,
Пермский край весь разоря,
А теперь смирились ханы —
Вся Сибирь теперь твоя.

Царь подумал, покумекал:
Не назад же отдавать.
Гнев на милость вмиг упекал
И послал на помощь рать.

Иван Грозный и казаки из Сибири. Рис. Кузнецова П. В.

Кама Строгановых

Вновь на Каме стало тихо,
Тишь, да гладь, и благодать,
Не приходит больше лихо
Из-за гор, чтоб убивать.

Карта владений Строгановых. Рис. Кузнецова П. В.

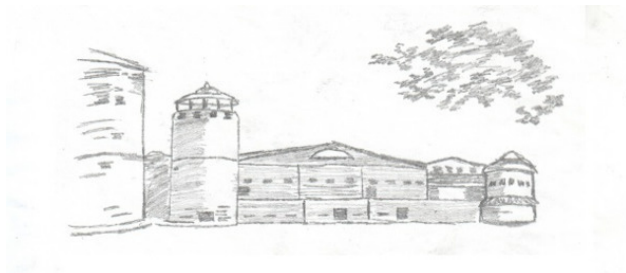
Новы храмы поднимались,
Крепостцы и города
Братья миром занимались,
Зазывая всех сюда.

Своё войско содержали
Господа Строгановы,
Да ещё царям давали
Денежки внеплановы.

Сколько раз так выручали
И Петра, и Грозного
Да и в смуту поддержали
Пожарского, серьёзного.

Обошло смутное время
Пермский край так стороной,
Не погибло Русье племя,
Разделённое войной.

Ополченцам помогали
И деньгами, и людьми,
Даже Шуйскому давали,
Двести тыщ тогда взаймы.

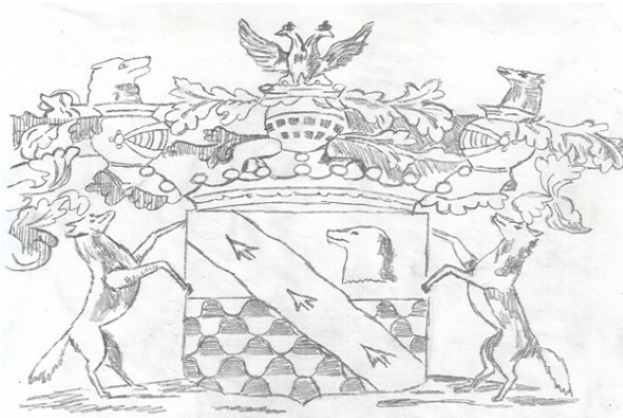
Усадьба Строгановых. Рис. Кузнецова П. В.

После смуты всенародной,
После выборки царя
Для подъёма Руси родной,
Восемь сотен тыщ рубля.

А взамен что получали,
За заслуги, а не лезть?
Именитыми назвали
Государи все как есть.

Так бароном прозывался
Алексашка Строганов,
И с Петром он побратался,
Угостив бефстроганов.

Право строить города,
Крепости, лить пушки.
Не подсудные тогда
Лишь царю с верхушки.

Герб Строгановых. Рис. Кузнецова П. В.

Соль на Усолке

В Предуралье очень часто
Всяк мог денежку скопить,
Здесь не сильно было барство,
Легче, значит, было жить.

Соль давала всем работу,
Торговали и зверьём,
Рыболовство и охоту
Каждый знал своим чутьём.

Предприимчивые люди
С хваткой, что-то вновь создать,
Шли, конечно же, и плуты,
Шли и те, кто торговать.

После долгой русской смуты,
Обошедшей Пермский край.
Люди бедные, разуты,
Шли в далёкий лесной рай.

Соликамские варни. Рис. Кузнецова П. В.

В Соли Камской много варен,
Кто начал здесь добывать?
Говорят, один был парень,
Вроде Калинниковым звать.

На реке, на Боровой,
Пяток скважин пробурил,
Соли мало, не впервой.
На Усолке повторив,

Навалились всей гурьбой
На просоленную твердь,
Вновь бурили буровой
До солей, богатых впредь.

Соль качали много скважин,

Разрастался городок,
Солевар в народе важен,
Запасали соли впрок.

Солеварни поднимались,
Соль варили на парах.
Люди делом занимались,
Богатели на глазах.

Строгановых меньше сотни
Варен больше, чем других.
На посаде так полсотни,
Вместе взятых из мирских.

Кто владел в паях на месте,
Кто десятками крутил,
В общем, было их за двести
В Соликамске воротил.

Думный дьяк

Думный дьяк Аверк Кириллов
Тоже варницу купил.
Гость московский, без посылы,
Просто денежку копил.

Сам из царского приказа
Очень важный господин,
И с Тишайшего наказа
Думным дьяком стал одним.

В основном, он жил в столице,
Пост садовника имел,
И палаты, и светлицы
Как-то вмиг прибрать сумел.

А палаты величавы,
Красный дом, что у реки, —
Гордость древней русской славы
Всем невзгодам вопреки.

Дом думного дьяка Кирилова. Рис. Кузнецова П. В.

Двухэтажная постройка
С мезонином расписным,
Рядом церковь и пристройка,
Чтоб ходить туда одним.

Галереи на колоннах,
Балюстрадами слепя.
И разносится в амвонах,
Душу проповедь крепя.

Под крылом у Милославских
Дьяк приказом управлял,
Средь дельцов Руси заправских,
Был большой оригинал.

Хоть и был сам из посадских,
Страсть к торговле не сгубил,

Поставлял товар багдадских
Да и местных воротил.

По дешёвке, за копейку,
Турка пленного купил.
В услуженье, чтоб кофейку
По-турецки им варил.

А турчонок-то смекалист,
Быстро выучил язык,
С местной барышней венчались,
Покрестился и привык.

Принял веру православную,
И Филиппом стали звать.
В Пермский край на солеварню
Думный дьяк решил послать.

Турок предан и смыслённый,
Быстро делом овладел.
В солеварне, проваренный
За процессом он глядел.

Управляющим варильны
В Соль на Каме вскоре стал,
Хоть и был он пересыльный,
Возвращаться не мечтал.

Русь затягивает цепко

Расстоянием своим,
Раз попал, то значит крепко,
На земле своей сидим.

Понял турок: здесь богаче,
Легче жить и не горбя.
При уменье и удаче
Можно выкупить себя.

Дьяк далёко – доверяет.
Соли варятся легко,
А турчонок уверяет:
Всё затратно, нелегко.

А в Москве опять не сладко,
Умер Фёдор – вот напасть,
Софья старшая так гладко
Захватила в стране власть.

Кто-то слух пустил: Ивана,
Что наследника царя,
Зарубили мальчугана,
Злую смуту заваря.

И поднялись все стрельцы
В государевы палаты.
Всё крушили удалцы,
Оказавшись без оплаты.

Дьяка бросили с крыльца
И о землюшку, расплата
Ожидала подлеца
От кровавого булата.

Бердышами порубали,
И под барабанный бой
Труп несли и всё орали:
Думный дьяк идёт домой.

Обвинили в казнокрадстве,
Всяк неправду им чинил
И убили во злорадстве,
Каждый тыкал и бранил.

Стрелецкий бунт. Рис. Кузнецова П. В.

Освобождение Турчанинова

Так закончилась трагично
Судьба думного дьячка.
Сын же Яков, что логично,
Занял место пермячка.

Переехав в царь-столицу
Прямо к матушке своей,
Успокоил мать-вдовицу
И на службу поскорей.

Был он грамотным и скромным,
Одним словом, не дурак.
Думным дьяком стал никчёмным,
И в коммерции впросак.

Нету жилки, как у бати,
Там продать, а здесь вложить.
И решил тогда он кстати
Часть имений заложить.

Помогал ему Трофимов,
Управляющий отца,
Отрок пленных подхалимов
Из турецкого пленца.

Продал Яков солеварни,
Да с приказчиком самим
Продал псарни и пекарни,
Продал всё, чем был томим.

.

А Филипп среди варильны
В той же должности, как был.
Вкладом скромным, непосильным
Себе вольную добыл.

Как он сделал? Кто же знает,
И сейчас не отгадать.
Только дьяк один пеняет,
Что связался с ним опять.

Вскоре вдовушка Дьякова
Челобитную подаёт,
Что оставил их без крова,
Денег больше не даёт.

Разбирались долго судьи,
Что да, как и поперёк,
И упёрлись на распутье,
Кто куда кого вовлёл?

Только с той поры Турчинов,
Стал посадским «богачом».

В Соликамске для почина
Взял бумагу с сургучом,

Что посадский он и вольный,
Что является купцом.
Сшил сюртук себе камзольный,
Чтобы выглядеть дельцом.

Приступил на солеварне
Соль варить и продавать.
Помаленьку как в пекарне,
Стал он на ноги вставать.

Ростовщиков

Во дворе Ростовщикова,
Солеварню кто купил,
Жил Турчинов у большого
В Соликамске воротил.

«Ростовщик», как просто звали,
Александра меж собой.
В Соликамске много знали,
Был он ярок, заводной.

Покупал у разорённых,
Неудачливых дельцов
Солеварни, соль-подъёмных
Труб, изъеденных торцов.

Подлатают по раструбам,
Механизмы не хитры.
И опять с глубин по трубам
Соль качают на пары.

День за днём и год за годом
Ловкостью да с хитрецей,
Десять варен с дымоходом,
Шесть рассольных труб с солью.

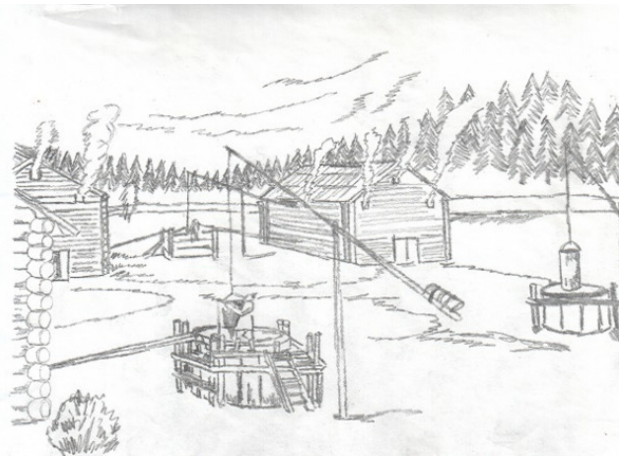
В Соликамске двор обширный,
Не один, а даже три,
Для себя и как квартирный,
Где Турчиновы жили.

Турчинов Михаил

У Турчинова сыночек
Подрастал, смышлёный был.
С детства бегал между бочек,
Замечал, кто как варил.

Как устроена варница,
Сколько дров, какой рассол,
Как топить и как варится,
Чтобы вышла кверху соль.

Всё познал парнишка бравый,
Стал помощником отцу,
Стройный, статный, величавый,
Анну дочь повёл к венцу.

Пермские солеварни. Рис. Кузнецова П. В.

«Ростовщик» ведь как скумекал:
Лучше зятя не найти,
Деловой и не калека,
Нам с такими по пути.

И в приданое за дочку
Дал с щедрот своих – не счесть,
Серебра большую бочку,
Да и варницы как есть.

В это время Пётр Великий
Соликамским богачам
Шлёт указ: освоить дикий

Край, подвергнутый кручам.

Меди нынче не хватает,
Добывайте – всё возьмём.
Швед с Европы угрожает,
Нужны пушки – поднажмём.

А Михайло осторожно
К делу скоро приступил.
Вроде ничего не сложно,
Медь нашёл, вези сколь сил

Хватит конной, пешей тяги
Аль по речке на плотах,
Но не выгодны напруги:
Прибыль тает на глазах.

Медь варить – так это ново,
Соль варить нам не впервой,
Да и с поиском хреново,
Соли много, меди – ноль.

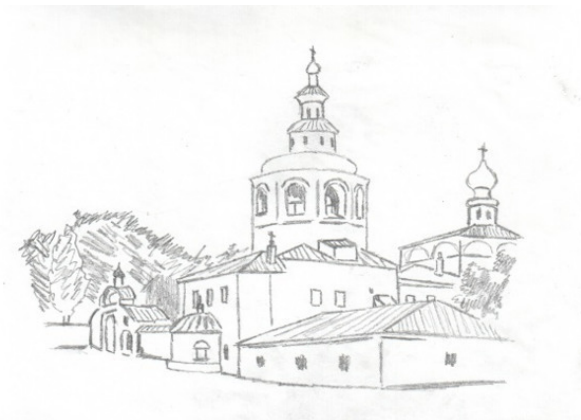
Так ответил бургомистрам
Турчанинов молодой,
Не был он авантюристом,
А расчётлив, с выгодой.

Генерал де Геннин знатный
Турчанина знал давно,

Человек он аккуратный,
А в делах и по давню.

Сможет, коль ему помогут,
Здесь заводик воссоздать,
Нужны руды, если смогут
С государственных продать.

В трёх верстах от Соли Камской,
Где впадает Талица,
Да у мельницы селянской,
Что стоит и валится.

Троицкая церковь. Рис. Кузнецова П. В.

Предложил игумену
Воскресенска монастыря,
Что построит им в замену
Церковь, господу даря,

Если те дадут землицу
У простого родника,
Чтоб заводик – медяницу
Здесь построить на века.

И Макарий дал добро:
– Уступить землицу.
Дело нужное: шустро
Строй здесь огневицу.

Генерал де Геннин сам,
Меряя ногою,
По отвесам и полям
Межевал стопою.

Берг-коллегия указ
Подписала срочно.
И к постройке в тот же час
Приступили точно.

Для завода нужна сила.
Где её такую взять?
Вода мощно закрутила
Колесо – меха качать.

А для этого плотину
Строить начали сперва.
Рыли землю, рыли глину
До глубин большого рва.

И на дне срубные ряжи
Возводили на века,
Из лиственки мощны кряжи
Создавали те бока.

Внутри из местного болотца
Глину, ил вбивали в них.
Сверху мелкие воротца
Для прохода вод внешних.

Дале ров забили глиной
С камнем бутовым большим.
В двадцать семь сажень плотиной
Перекрыли речку в жим.

Через ларь да на колёса
Воды мощный шёл поток.
Будто с грозного утёса,
На лопатки сквозь лоток.

Литейный заводик 17—18 век. Рис. Кузнецова П. В.

Под плотиной, вдоль развода,
Возводились два цеха.
Два отдельных водовода
Молот двигали – меха.

Две печи медеплавильных,
Молот, кузница с горном,
Три песта пород дробильных,
Опоясанных жезлом.

Уголь жгли близ Соликамска,
Лес сплавливали по реке.
Тихо движется Савраска,
Возвращаясь налегке.

Из поленниц древесины
Холмы, крытые дерном,
Расположились в низине,
В дымке марева курном.

Тлели медленно, неделю,
На гнилом огне дымя,
Превращая всю подстилку
В уголь с дерева томя.

Плавка руд производилась
В двух «крумфеленых» печах,
И потом уж доводилась
На «гармахерских» горнах.

А потом ту медь дразнили
Посыпая верх углём.
Кол берёзовый всадили,
Печь плевалась вся огнём.

Турчинов Алексей

Всё в достатке у Михайла,
Лишь наследников нема.
Присмотрел тогда он парня
Из сиротского ярма.

Алексей Васильев звался,
Сам откуда не понять.
Из Сибири добирался,
Али местный – не сказать.

Парень ловок, статно сложен.
Видно сразу что смышлён
И к наукам расположен,
И в коммерции силён.

Солеваренное дело
Быстро, шустро изучил.
Михаил Алёшке смело
Управлять сим поручил.

Солеварня 17—18 век. Рис. Кузнецова П. В.

У Михайлы была дочка,
Больше деток не дано.
Вот ещё б ему сыночка,
Да где взять, коль так дано?

Привязался он к Алёшке,
Разным знаниям учил.
Тот смышлёный и к зубрёжке
Приложил немало сил.

Научился и терпению,
Чтобы дело понимать,
Ну а также обхождению,
Чтоб уметь своё продать.

Как в народе говорили:
Обходительный с людьми.

Твёрд на слово, порешили,
Хоть и молод, креп плечми.

Время скоро пролетало,
Наш Алёшка возмужал.
У Михайлы дочь возрастала —
Выдать замуж обещал.

Чтобы род не прекращался
Дал фамилию свою:
Алексей Турчинов звался,
Как купец в Пермском краю.

Вроде всё идёт как надо,
Но беда не за горой.
На Москву донос чревато
Был отправлен непростой.

И по осени Михайла
В Москву скоро повезли,
В канцелярии же тайно
Разобраться не могли.

Пятый год идёт тяжбина,
А хозяина нема.
Но Алёшка молодчина,
Вёл хозяйство с ведома.

Хоть и молод, но справлялся,

За заводиком смотрел.
С солеварней управлялся,
Торговал и сам вырослел.

У Михайла недоимки
Почитай тыщ пятьдесят.
Десять тысяч без ужимки
Враз отдал. Ещё хотят.

Деньги были, ох большие!
Где же сразу столько взять?
Но в Москве так порешили:
Можешь долго отдавать.

Что зазя завод банкротить?
Медь нужна стране родной.
Лучше медью нам воротит
И отправили домой.

Отлегло у Турчанина,
Мож сказать: «Так повезло»,
Но случилась вдруг кручина
По пути ему назло.

Длинный суд, страх разоренья,
Подкосили старичка.
Вмиг закончилось везенье
И не стало бодрячка.

После похорон вдовица,
С дочкой маленькой своей,
Оказалась вновь должницей,
Хоть заводик и при ней.

Тяжело самой справляться,
Не по силам такой труд.
Вот приказчиком наняться
Токмакова требуют.

Мало опытного брата,
Мастера нужны во всём.
Комерц-коллегия тогда-то,
Так сказала: «Привезём».

Из казённого завода
Плавильный мастер Федулов,
После выучки с полгода,
К плавильной выпечки готов.

И пошёл завод дымиться,
Больше стали выплавлять.
Лёшка тут же всё крутится,
Хочет сам всё понимать.

Тяжело сдвигалось дело,
Лёшка денег занимал,
Но своим умением смело
Все долги потом отдал.

Время быстро пробежало,
Дочка вдовушки росла.
Замуж выдать время стало,
Лёшка шлёт своего посла.

Мать подумала маленько,
Лёшка парень хоть куда.
Сирота, но свой давненько,
Да и муж сказал бы да.

Так на том и порешили.
Замуж девицу берёт,
А в приданое предложили
Солеварен оборот.

Да заводик, винокурни,
Прочий весь свой капитал.
Что намеренья не дурны
В договоре подписал.

Так Лексей Турчинов вскоре
Стал влиятельным купцом,
Но долги доставшись в споре
Вниз тянули день за днём.

Как же быть – коль государство
С монополией на медь,
После долгого мытарства

Обозначило как треть.

Треть тебе, а остальное,
Будь так добр, отдай в казну.
По дешёвке, кабальное,
Не накопишь так мошну.

Ну, а вскоре Берг-регламент
Монополию отменил,
Чтоб создать простой фундамент
Для заводов порешил.

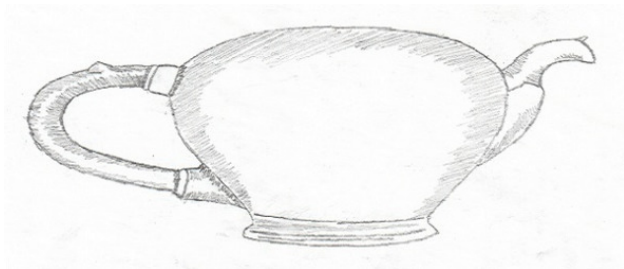
Здесь Алёшка враз скумекал,
Чем простую медь сдавать
По дешёвке. Покумекал:
Над посуду выпускать.

Возле дома, на задворках,
Он к постройке приступил.
Небольшую на пригорках
Мастерскую запустил.

Генералом директориума
Было велено тогда:
С соблюдением декорума
Торговать он мог всегда.

Что на фабрике изладит,
С красной меди заводской,

На пять лет, пока наладит,
Быть без пошлин пред казной.

Медная посуда Троицкой фабрики. Рис. Кузнецова П. В.

Чайник, утварь для прихода,
Всё из меди золотой.
Разны вещи для народа
Отличались простотой.

Так Лексей с сирот поднявшись,
Первый фабрику открыл.
В Соликамске первым взявшись,
Он изделия творил.

Каждых год для утверждения,
В Берг-Коллегию сдавал,
Образец своего творения,
Что на фабрике создал.

Поначалу очень скромны
Все изделия были.
Не расписаны, огромны,
С красной меди испекли.

Вот и план осуществился,
Заработали цеха.
Алексей собой гордился,
Оценили труд верха.

Но случилась непогода,
Жар стоял над городком.
Не прошло ещё два года,
Затянулось всё дымком.

Полыхали все постройки,
Деревянные дома.
Почернели все пристройки
Будто чёрная чума.

Двор сгорел и сам заводик,
Соликамск пылал в аду.
Но поднялся через годик
Будто яблоня в саду.

Так на Троицком заводе
Нову фабрику открыл.
Рядом дом, что на природе

Красотою всех затмил.

Для плавления красной меди,
Чтоб зелёную создать,
Самодувные две печи
Надо было создавать.

А потом под молот мощный,
Для расковки под листок.
Нужен привод еженощный,
Водяной большой поток.

Токарная для шлифовки,
Привода вращать станки.
Да и руки нужны ловки,
Чтоб приваривать рожки.

Турчанинов вновь скумекал,
Что посудую простой
Не заманишь даже грека,
Хоть и будет золотой.

Позабытое уменье
Финифтяного дела,
Из далёкого забвенья
Возродить как та была.

Чтоб изделия засияли,
Разноцветьем потрясли

И не хуже штирийских брали,
А не с Австрии везли.

Приложив немало силы,
Мастерскую он открыл.
Удивились воротилы,
То, что он потом творил.

Расписные под фарфоры,
Стали модными тогда
Самовары и амфоры,
Раскупались там всегда.

На Макарьевской, Ирбитской,
На Российских ярмарках,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.